Евразийская адвокатура. 2021. № 6 (55). С. 22–24.
Eurasian advocacy. 2021;(6(55)):22–24.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры
Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2021_55_6_22

РЕЦЕНЗИЯ НА ЗАКОНОПРОЕКТ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АДВОКАТУРЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

САЧИХИН Андрей Викторович
Адвокат Адвокатской палаты Пермского края
614000, г. Пермь, ул. Куйбышева, д. 4, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследованы законодательные новеллы, предлагаемые к принятию в очередном Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подготовленном в 2021 г. Выделены характеристики законопроекта.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, адвокатская палата, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации

Для цитирования: Сачихин А.В. Рецензия на законопроект Правительства РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Евразийская адвокатура. 2021. № 6 (55). С. 22–24. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2021_55_6_22

Problems of organization and advocacy profession functioning
Original article

THE REVIEW OF NEW DRAFT LAW «ON AMENDMENTS TO THE FEDERAL LAW «ON ADVOCACY AND THE LEGAL PROFESSION IN THE RUSSIAN FEDERATION»

SACHIKHIN Andrei Viktorovich
Advocate of Perm region Advocate Chamber
614000, Perm, Kuibyshev str., 4, Russian Federation

Abstract: The article examines the legislative innovations proposed for adoption in the next Draft of the Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation», prepared in 2021. The characteristics of the draft law are highlighted.

Keywords: lawyer, legal profession, lawyer chamber, Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation

For citation: Sachikhin A.V. The review New Draft Law «On Amendments to the Federal Law «On Advocacy and the legal profession in the Russian Federation»= Eurasian advocacy. 2021;6(55):22–24. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2021_55_6_22

В ноябре 2021 г. Министерством юстиции был представлен новый Законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1].

1. Замечания по ст. 1 Закона «О внесении изменений»

Предложение о том, что направление запроса (запросов) не может являться самостоятельным предметом соглашения об оказании юридической помощи (ст. 6.1).

Имеются основания полагать, что указанная норма в данной редакции Закона изначально неработоспособна, поскольку направление адвокатского запроса не самоцель, а способ получения доказательственной информации (кстати, малоэффективный).

А именно, само значение адвокатского запроса в его реальном выражении крайне преувеличено законодателем в связи с большим количеством ограничений на предоставление доказательственной информации со стороны различных учреждений и организаций.

© Сачихин А.В., 2021

Помимо изложенного, неясным остается вопрос, каким способом уполномоченные органы намерены контролировать (проверять) исполнение данного запрета с учетом требования о распространении режима адвокатской тайны даже на факт обращения за юридической помощью.

Следует ли понимать установление данного запрета как элемент введения в последующем механизма раскрытия адвокатской тайны?

2. Предложение редакции п. 4 ст. 6.1 о дополнительных основаниях отказа в удовлетворении адвокатского запроса в случае, если в нем содержится просьба о разъяснении правовых норм, предоставлении позиции по вопросам правового характера.

Содержание предложенной редакции противоречит требованиям п. 2 ч. 1 ст. 21 Налогового кодекса РФ о праве на получение письменных разъяснений по вопросам применения законодательства о налогах и сборах, ФЗ № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ФЗ № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», иных подзаконных актов.

Кроме того, представляется нелогичным возврат запроса адвокату вместо его перенаправления уполномоченному на ответ органу (должностному лицу), в компетенцию которого входит разрешение обозначенных в запросе вопросов.

Содержащееся в Пояснительной записке к законопроекту обоснование в виде потенциального нарушения режима адвокатской тайны является лукавым, поскольку факт ее обнародования уже очевиден при направлении запроса даже неуполномоченному адресату. Введение правил возврата запроса заявителю с учетом традиционного режима работы канцелярии и почтового пробега однозначно ведет к увеличению сроков его разрешения и, следовательно, к неэффективности предложенного изменения в Закон.

3. Предложение редакции п. 1 ст. 7 об обязательном участии адвоката в качестве защитника или представителя в уголовном, гражданском, административном судопроизводстве и иных установленных законом случаях.

Не имеет какого-либо практического значения в случае принятия соответствующего Федерального закона, который в настоящее время такую обязанность не регулирует.

По мнению рецензента, в данном случае «телега поставлена впереди лошади», поскольку сначала следует внести соответствующие изменения в федеральные законы, определяющие формы и порядок участия адвокатов в иных случаях, а затем приводить в соответствие с ними ФЗ № 63-ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ».

4. Предложение о введении дополнительно п. 7 ст. 7 Закона о незамедлительности сдачи адвокатского удостоверения.

Введение обязанности сдать удостоверение незамедлительно, в том числе в Совет адвокатской палаты, представляет собой не техническую правку, а бессмысленную, с правовой точки зрения, конструкцию, поскольку не определено само понятие незамедлительности.

5. Изменения в ст. 9 Закона в части установления обязательного образовательного уровня «бакалавра» для претендента.

Предложенное изменение фактически нивелирует концепцию двухуровневого высшего образования в Российской Федерации, представленную ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в РФ».

В соответствии со ст. 10 ФЗ № 273-ФЗ к уровням высшего образования относятся: бакалавриат, специалитет и магистратура, они признаются равными.

Приведенное в Пояснительной записке к проекту мнение об улучшении тем самым профессиональных характеристик претендента представляется также достаточно лукавым, поскольку квалификация претендента тем самым фактически не повышается, вводятся лишь дополнительные ограничения на занятие адвокатской деятельностью.

6. Изменения в п. 2 ст. 10 Закона в части появления дополнительных требований к кандидату по предоставлению справки о наличии (отсутствии) уголовного преследования и справки о наличии (отсутствии) хронических / затяжных психических расстройств у кандидата для сдачи квалификационных экзаменов.

Внесенное предложение фактически свидетельствует о введении дополнительных ограничений для доступа к адвокатской профессии, поскольку запрашиваемые сведения не отражают реального статуса лица в понятии уголовного преследования (подозреваемый или обвиняемый).

Подобное предложение свидетельствует о пороках юридической техники документа. Кроме того, в современных реалиях уголовного судопроизводства такое преследование может продолжаться бесконечно долго, особенно в экономической и интеллектуальной сферах (годами).

Помимо изложенного, в предложенной редакции не даны критерии хронических и затяжных психических расстройств, к которым могут относиться такие хронические проявления, как

депрессия или невротическое / тревожное расстройство личности (категории Ф-41, Ф-42 МКБ), объективно не препятствующие осуществлению квалифицированной юридической помощи в случае длительной ремиссии.

7. Изменения в п. 1 ст. 11 Закона, касающиеся участия федерального органа юстиции в утверждении положения о порядке сдачи квалификационных экзаменов и оценки знаний претендентов.

Приведенная редакция противоречит концепции восприятия адвокатуры как института гражданского общества (ст. 3 ФЗ № 63-ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ»), действующего на основании принципов независимости, самоуправления и корпоративности.

Очевидно прослеживается цель усиления административного контроля в вопросах формирования адвокатского корпуса.

8. Предложение в п. 3 ст. 12 Закона, касающееся получения права на осуществление адвокатской деятельности с момента внесения сведений в Единый государственный реестр.

Приведенная редакция свидетельствует об установлении дополнительных регистрационных и регламентных процедур (срок внесения, несовершенство электронной платформы, ошибка реестра и т. п.) и, как следствие, установлении дополнительных государственных ограничений на допуск к адвокатской деятельности. Предложенным проектом также нивелируется статус присяги адвоката. Присяга в настоящее время представляет собой не только обязательный ритуал, но и определяет момент вхождения в корпорацию в качестве равноправного члена. Предложенная Правительством редакция предоставляет такие права адвокату путем реализации распорядительных функций в результате его включения в реестр.

Какой сакральный смысл будет носить присяга адвоката в этом случае, становится непонятно.

9. Изменения в п. 3 ст. 15 Закона в части статуса удостоверения адвоката.

Отсутствует логическое объяснение, почему удостоверение подтверждает только лишь статус адвоката (но не личность), если его статус подтверждается выпиской из реестра.

В чем смысл перечисления в Законе категорий судов для прохода адвоката на основании удостоверения, если юридическая помощь оказывается в том числе и в основном в органах ФСБ РФ, ФССП РФ, МВД РФ, ФСИН РФ, МО РФ и т. д., которые в тексте Закона не перечислены.

Нет никаких сомнений в том, что это создаст дополнительные препятствия для прохода в указанные федеральные органы, которые будут устанавливать собственные режимы доступа.

Содержание предложенной редакции не устраняет имеющихся в настоящее время препятствий для прохода к месту оказания правовой помощи.

10. Изменения в п. 3 ст. 17 Закона в части исключения отказа в возбуждении дисциплинарного производства по представлению органа юстиции.

Согласно предложенной редакции, в возбуждении дисциплинарного производства по внесенному федеральным органом юстиции и его территориальным органом представлению не может быть отказано. Содержание приведенной нормы не согласуется с требованиями КПЭА в части отсутствия оснований для дисциплинарного производства (ст. 20), поскольку повод и основание являются не идентичными элементами в целях возбуждения дисциплинарного производства.

Видимо, предполагается, что в любом случае представление органа юстиции настолько профессионально выполнено, что не может не содержать оснований для возбуждения дисциплинарного производства. Тем не менее, прямо в редакции изменений в ст. 17 Закона это не отражено, т. е. государственному органу в очередной раз предоставлен приоритет в дисциплинарном производстве внешне независимой корпорации.

Причем в п. 2 ст. 17 Закона вводится обязательность рассмотрения представления квалификационной комиссией и Советом палаты еще до возбуждения дисциплинарного производства, т. е. предлагается некая экстраординарная дисциплинарная процедура, что фактически бюрократизирует и подчиняет адвокатскую деятельность прямому государственному регулированию.

Список источников

1. https://regulation.gov.ru/projects#npa=123062.

References

1. https://regulation.gov.ru/projects#npa=123062.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 12.12.2021.

The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 12.12.2021.